

УДК 342.8; 343.97

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(6).932-940

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ СВОБОДНЫХ ВЫБОРОВ

С.Н. Слободчикова*Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация***Информация о статье**

Дата поступления

12 июля 2019 г.

Дата принятия в печать

25 ноября 2019 г.

Дата онлайн-размещения

26 декабря 2019 г.

Ключевые слова

Свободные выборы; активное избирательное право; пассивное избирательное право; допустимое ограничение права; тяжкое преступление; особо тяжкое преступление

Аннотация. В статье рассматриваются ретроспективные и современные критерии допустимых ограничений конституционного права личности избирать и быть избранной в органы публичной власти и на выборные публичные должности в случае совершения деяний, квалифицируемых как тяжкие или особо тяжкие преступления. Дается современная оценка нормативным введениям подобных ограничений в избирательной плоскости с учетом правовых позиций в международной и отечественной судебной практике. Аргументируется, что в настоящее время в отечественной конституционно-правовой модели свободных выборов существует недифференцированное ограничение активного избирательного права для лиц, осужденных к уголовному наказанию, связанному с лишением свободы. Рассматривается судебная практика в части правомерности и соразмерности недифференцированного ограничения избирательных прав заключенных, в частности раскрываются правовые позиции Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации. Обосновывается необходимость перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, не влекущие ограничения активного избирательного права. Определено, что в отношении реализации пассивного избирательного права могут устанавливаться более строгие ограничения, чем для реализации конституционного права избирать органы публичной власти и выборных должностных лиц, особенно в случае совершения тяжких или особо тяжких преступлений. Делается вывод о допустимости ограничений, вводимых в рамках федерального законодательства в отношении конституционного права избирать для лиц, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления, независимо от того, назначено ли уголовное наказание за подобные общественно опасные и противоправные деяния условно или предполагается реальное отбывание в соответствующем исправительном учреждении уголовно-исполнительной системы.

REALIZATION OF THE RIGHTS OF CONVICTS IN THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL-LEGAL MODEL OF FREE ELECTIONS

Svetlana N. Slobodchikova*Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation***Article info**

Received

2019 July 12

Accepted

2019 November 25

Available online

2019 December 26

Keywords

Free elections; active suffrage; passive suffrage; permissible limitation of rights; grave crime; very grave crime

Abstract. The author studies retrospective and modern categories of admissible limitations of the constitutional right of a person to elect others and to be elected for appointment into bodies of public authority and public offices if they have committed grave or very grave crimes. The author also gives a contemporary assessment of the normative introduction of such limitations in the election field taking into account the legal positions in international and Russian court practice. It is argued that the current Russian constitutional-legal model of free elections has an undifferentiated limitation of active suffrage for persons sentenced to a criminal punishment with a limitation of freedom. The author analyzes the court practice regarding the lawfulness and adequacy of undifferentiating limitation of suffrage rights of convicts, specifically, the legal position of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation. It is shown that some regimes of incarceration should be transferred into alternative types of punishment that do not entail the limitations of active suffrage. It is stated that there could be more stringent limitation for the realization of passive suffrage than for realization of the constitutional right to elect representatives into bodies of public authority and public offices, especially in cases of grave and very grave crimes. The author concludes that the limitations imposed by the federal legislation regarding the constitutional right to suffrage for persons guilty of grave or very

grave crimes is admissible, no matter if the criminal punishment for such publically dangerous and illegal actions is conditional or it is an actual imprisonment in a penitentiary institution.

В Российской Федерации в рамках существующей конституционно-правовой модели свободных выборов наличие вступившего в законную силу обвинительного приговора суда за совершенное преступление может ограничивать конституционное право граждан избирать и быть избранными в органы власти государственного или муниципального уровней и на выборные публичные должности. В отечественной ретроспективе до начала 1959 г. лишение избирательных прав по суду применялось в качестве меры уголовного наказания¹. В настоящее время в ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации определено, что лица, находящиеся в местах лишения свободы по приговору суда, не имеют права избирать и быть избранными. Совершая общественно опасные и противоправные деяния, такие субъекты сами себя лишают возможности свободно и добровольно участвовать в выборах, свободно формировать свое политическое поведение и осуществлять свободное волеизъявление. Представляется, что свободным является тот выбор, который сделан на основе не только познания внешней необходимости, но и преодоления ее в соответствии со своими личными убеждениями [1, р. 1915; 2, р. 608]. Полагаем, в данном контексте нет гарантий, что заложенные паттерны поведения лица, совершившего преступление, негативным образом не отразятся на интересах общества и государства, так как морально-психологические установки личности влияют на принимаемые решения и основополагающие мотивы действий [3, с. 258].

Следует отметить, что в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ определяется, что лица, осужденные к уголовному наказанию, связанному с лишением свободы, не имеют избирательных прав. В федеральном законодательстве нормативно устанавливается конкретный перечень мест лишения свободы: исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы и лечебные исправительные учреждения². Следовательно, свободно участвовать в выборах, в частности ре-

ализовывать конституционное право избирать, не могут граждане, содержащиеся в одном из перечисленных исправительных учреждений. Однако подобное конституционное ограничение не распространяется на лиц, претерпевающих иные виды наказаний (принудительные работы, штраф и др.). В свою очередь, в отношении реализации гражданами пассивного избирательного права в настоящее время применяется концептуально иной подход.

Следует обратить особое внимание на тот факт, что во время создания будущей Конституции РФ обсуждался вопрос о том, следует ли лишать заключенных активного избирательного права [4, с. 23]. В частности, в проектах Конституционной комиссии 1992 г. и 1993 г. были прописаны нормы, закрепляющие за заключенными активное избирательное право. Так, в проектах Основного закона 1993 г. устанавливалось следующее: «Не избираются граждане, содержащиеся в местах ограничения свободы по приговору суда». Однако учрежденное Б.Н. Ельциным Конституционное совещание Российской Федерации, рассматривая вопрос о лишении избирательных прав заключенных, сформулировало иной вариант, предполагающий лишение активного и пассивного избирательного права лиц, находящихся в местах лишения свободы. Именно этот вариант нашел свое непосредственное отражение в тексте действующей Конституции РФ (ч. 3 ст. 32) [5, с. 16].

Вопрос правомерности и соразмерности недифференцированного ограничения избирательных прав заключенных непосредственно затронул Российскую Федерацию в 2013 г. [6, с. 305]. В частности, Европейский суд по правам человека, рассмотрев жалобу С.Б. Анчугова и В.М. Гладкова, пришел к выводу, что такое ограничение — нарушение ст. 3 Протокола № 1 от 20 марта 1952 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющей право на свободные выборы³. Ранее этот вопрос уже рассматривался Европейским судом, например в 2005 г. в деле № 74025/01 «Херст про-

¹ Об отмене лишения избирательных прав по суду : закон СССР от 25 дек. 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 7.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

³ Анчугов и Гладков против Российской Федерации : решение Европ. суда по правам человека от 4 июля 2013 г. № 11157/04 и № 15162/05 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <http://www.hudoc.echr.coe.int>.

тив Соединенного Королевства» (Hirst v. United Kingdom) и в 2012 г. в деле № 10249/03 «Скоппола против Италии» (Scoppola v. Italy)⁴. Во всех трех случаях, включая дело Анчугова и Гладкова, Европейский суд придерживался правовой позиции, согласно которой в современном демократическом обществе нет места автоматическому лишению избирательных прав, но в то же время возможны определенные ограничения данного права со стороны государства, преследующие законную цель.

В данном разрезе необходимо понимать, не являются ли эти пределы фактическим умалением активного избирательного права, а следовательно, конституционного права на участие в управлении делами государства целой группы граждан. В этой связи федеральный законодатель, преследуя публично значимые цели (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства), может вводить в национальное правовое пространство допустимые ограничения конституционных прав и свобод личности. В свою очередь, умаление прав и свобод личности наступает, когда принятый федеральным законодателем закон ограничивает конституционные права и свободы без учета указанных выше целей или с учетом подобных целей, но непропорционально или чрезмерно [7, с. 25]. В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации в 2002 г. в своем решении определил, что ограничение права допустимо, если преследует цель обеспечить права других лиц, устанавливается федеральным законом и соразмерно, т.е. не предполагает существенного нарушения права или отказа в защите права со стороны законодателя или правоприменителя⁵. Таким образом, при

установлении допустимых ограничений прав и свобод личности государству следует учитывать следующие параметры:

– во избежание нарушения международных обязательств государство, вводя ограничения прав и свобод личности в национальное правовое пространство, должно руководствоваться общепризнанными нормами и принципами международного права [8, с. 56];

– при установлении ограничений обязательно следует учитывать категорию правомерности, подразумевающую существование конституционных положений, позволяющих при определенных обстоятельствах ограничивать право или свободу [9, с. 52]. Полагаем, правомерность должна подтверждаться такими обстоятельствами, как угроза причинения вреда (реального или потенциального) частным и публичным интересам; невозможность защитить права и свободы иным способом; вред, причиняемый ограничениями, должен быть меньше, чем вред предотвращаемый;

– соответствующие ограничения должны быть четко сформулированы в законе (например, в конституции, федеральном конституционном законе, федеральном законе) во избежание произвольного толкования;

– такие ограничения не должны ограничивать конституционные права и свободы до такой степени, что они потеряют свое реальное содержание;

– такие ограничения должны быть соразмерными. В свою очередь, соразмерность проявляется как соотношение блага (к примеру, свободное и добровольное участие в выборах, свободное формирование своего политического поведения и свободное волеизъявление) и цели государства в случае применения им того или иного ограничения (к примеру, обеспечение публичного интереса, защита конституционно значимых ценностей, поддержание безопасности государства и общества).

В свою очередь, Европейский суд, рассматривая жалобу Херста, установил своего рода стандарт — правовую позицию по поводу абсолютного лишения избирательных прав заключенных:

– ограничения для защиты основ правового государства и демократии могут вводиться только при наличии двух критериев — законной цели и правомерных средств для ее достижения;

– вводимые государством ограничения могут преследовать широкий круг целей, к примеру упрочение чувства гражданского долга, пietet к принципу верховенства права;

⁴ Hirst v. United Kingdom: European Court of Human Rights. Judgment of 6 Oct. 2005 (№ 74025/01) // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <http://www.hudoc.echr.coe.int> ; Scoppola v. Italy: European Court of Human Rights. Judgment of 22 May 2012 (№ 10249/03) // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: <http://www.hudoc.echr.coe.int>.

⁵ По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова : постановление Конституц. Суда РФ от 15 янв. 2002 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2002. № 6. Ст. 626.

– относительно соразмерности устанавливаемых ограничений у государства есть определенные пределы усмотрения, но они не могут быть неограниченными. В свою очередь, установление абсолютного ограничения избирательного права для заключенных приводит к умалению данного права.

При рассмотрении жалобы Скопполы Европейский суд отметил в дополнение к выработанной в деле Херста правовой позиции, что при ограничении активного избирательного права в отношении заключенных необходимо учитывать такие параметры, как тяжесть совершенного преступления, поведение преступника, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность. С учетом выработанной правовой позиции в деле Анчугова и Гладкова Европейский суд не поддержал позицию представителей Российской Федерации в той части, что в данном деле, в отличие от предшествующих дел, в противоречие со ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод вступает не обычный закон, а норма Конституции, содержащаяся в главе, для изменения положений которой нужно принимать новый акт высшей юридической силы.

Еще в 2004 г. В.Д. Зорькин отмечал, что «правовые позиции Европейского суда, излагаемые им в решениях при толковании положений Конвенции и протоколов к ней, и сами прецеденты Европейского суда признаются Российской Федерацией как имеющие обязательный характер» [10, с. 4]. Тем не менее после решения Европейского суда по делу Анчугова и Гладкова Конституционный Суд в постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П обозначил необходимость обращения к диалогу во взаимоотношениях Европейского суда с национальными судами, призванного обеспечить баланс ценностей, сформированных в практике Европейского суда, и элементов национальной идентичности государства. Однако Конституционный Суд также указал на то, что в отечественной правовой системе преимущественное значение имеет Конституция РФ, официальное толкование которой осуществляется судебным органом конституционного контроля. В этой связи 19 апреля 2016 г. Конституционным Судом было вынесено постановление, касающееся возможности исполнения предписаний Европейского суда по делу Анчугова и Гладкова⁶. В данном поста-

новлении установлено, что внесение изменений в действующее законодательство, позволяющих реализовывать конституционное право избирать определенным категориям лиц, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда, невозможно, так как положение ч. 3 ст. 32 Конституции РФ носит императивный характер и не предполагает каких бы то ни было изъятий. При этом Конституционный Суд отметил, что в рамках действующего федерального законодательства можно оптимизировать систему уголовных наказаний путем перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний. Полагаем, с точки зрения обеспечения стабильности и верховенства акта высшей юридической силы в данном случае наиболее оптимальной будет нетекстуальная форма коррекции Конституции РФ [11, с. 14] в части воплощения в жизнь предложения Конституционного Суда о переводе отбывания наказания в колониях-поселениях в разряд самостоятельного вида наказаний, предполагающего принудительное ограничение свободы с возможностью реализации активного избирательного права. В результате воплощения подобной новеллизации в отечественной правовой действительности:

– со стороны Российской Федерации в отношении ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод будет соблюден фундаментальный международный правовой принцип *Pacta sunt servanda* (каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться), установленный в ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.⁷;

– преобразования в уголовной плоскости будут соответствовать и мировым стандартам в сфере защиты прав личности [12, с. 52], и положениям Конституции РФ, а сама конституционно-правовая модель свободных выборов в России — международным избирательным стандартам;

– национальная специфика, государственный суверенитет, территориальное верховенство Конституции РФ, ее высшая юридическая сила и стабильность будут обеспечены;

вам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации : постановление Конституц. Суда РФ от 19 апр. 2016 г. № 12-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

⁷ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.

⁶ По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по пра-

– сохранится императивное понимание сущности ч. 3 ст. 32 Конституции РФ;

– ограничение конституционного права избирать для заключенных уже не будет носить абсолютный характер.

Следует отметить, что в России возможность установления допустимых ограничений прав и свобод соразмерно конституционно значимым целям зафиксирована не только на конституционном, но и на законодательном уровне. К примеру, в преамбуле Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ⁸ закреплена основная цель принятия данного нормативного акта, а именно защита прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности Российской Федерации. Фактически преамбула указанного акта напрямую отражает правомерные цели ограничения прав и свобод, в том числе избирательных, закрепленных на конституционном уровне в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Полагаем, в данной плоскости нельзя не согласиться с позицией Конституционного Суда в той части, что экстремистская деятельность по своей природе публична⁹. Следовательно, допустимое ограничение права на участие в осуществлении публичной власти может устанавливаться соразмерно цели защиты публичных правоотношений, в которых обеспечивается как личный интерес избирателя, так и публичный интерес, выраженный в формировании легитимных выборных органов публичной власти. В частности, в целях противодействия экстремистской деятельности может быть ограничено пассивное избирательное право (к примеру, на основании вступления в законную силу обвинительного приговора суда за уголовные преступления экстремистской направленности, определяемые ст. 280, 282, 282.1, 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации). Важно отметить, что подобное

ограничение приобретает свою правовую актуальность только в случае, во-первых, установления факта противоправного деяния судом, во-вторых, вступления в законную силу соответствующего решения суда.

Исследуя проблематику ограничения пассивного избирательного права для лиц, совершивших противоправные деяния, квалифицирующиеся как преступления, полагаем, необходимо обозначить параметры допустимых ограничений данного права более предметно. В частности, в действующем законодательстве установлено, что гражданин, совершивший тяжкое или особо тяжкое преступление и имеющий на день голосования неснятую и непогашенную судимость, не имеет права быть избранным в Президенты Российской Федерации¹⁰. Стоит отметить, что то же самое ограничение действует и в отношении кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Закономерно возникает вопрос, не противоречат ли такие нормы федерального законодательства акту высшей юридической силы, в частности ч. 3 ст. 32. В данном случае следует отметить уже упомянутую ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в которой предусматривается возможность в рамках федерального законодательства ограничить конституционные права и свободы личности в определенных целях, например защиты основ конституционного строя, обеспечения безопасности государства. Обозначенное конституционное положение соответствует ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., допускающей установление обоснованных ограничений избирательных прав в рамках национального законодательства. По мнению Конституционного Суда, выраженному в постановлении от 30 октября 2003 г. № 15-П¹¹, любые вариации правового ограничения прав и свобод должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, соразмерными и

⁸ Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Леонова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями подпункта «г» пункта 3.2 статьи 4 и подпункта «ж» пункта 7 статьи 76 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: определение Конституц. Суда РФ от 1 июня 2010 г. № 757-О-О // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

¹⁰ О выборах Президента Российской Федерации: федер. закон от 10 янв. 2003 г. № 19-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 171.

¹¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова: постановление Конституц. Суда РФ от 30 окт. 2003 г. № 15-П // Там же. № 44. Ст. 4358.

необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей. В свою очередь, конституционно-правовой статус главы государства предполагает, что Президент РФ является гарантом прав и свобод человека и гражданина и принимает меры по их защите. Возможность же избрания на эту должность лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, создает прямую угрозу для развития правовой демократии.

В постановлении от 10 октября 2013 г. № 20-П¹² Конституционный Суд подтвердил законность установления таких ограничений пассивного избирательного права в федеральном законодательстве, отметив право законодателя устанавливать высокие требования к репутации и нравственным качествам лиц, претендующих на должность главы государства. У избирателей не должно появляться сомнений относительно морально-этических качеств кандидатов на данную выборную государственную должность [13; 14]. В правовом государстве необходимы нормативные рычаги обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе от криминализации публичной власти [15; 16].

В этой связи показателен прецедент, обозначившийся в ходе избирательной кампании, посвященной выборам Президента РФ в 2018 г. В частности, гражданину А.А. Навальному было отказано в регистрации в качестве кандидата в Президенты РФ. Основанием для отказа послужило наличие вступившего в законную силу приговора Ленинского районного суда г. Кирова от 8 февраля 2017 г. В ходе рассмотрения обстоятельств дела установлено, что данный гражданин совершил тяжкое преступление, квалифицирующееся по ч. 4 ст. 160 УК РФ «Присвоение и растрата», за что был приговорен к пяти годам лишения свободы условно. На этом основании Центральная избирательная комиссия Российской Федерации постановлением от 25 декабря

2017 г. № 118/973-7¹³ отказала А.А. Навальному в регистрации в качестве кандидата в Президенты РФ. В свою очередь, гражданин А.А. Навальный обратился в Конституционный Суд с жалобой на соответствующие нормы федерального законодательства в области выборов, неправомерно ограничивающие, по его мнению, реализацию конституционного права быть избранными для лиц, имеющих судимость, но не находящихся ни в одном из нормативно установленных видов учреждений уголовно-исполнительной системы. По данному вопросу Конституционный Суд в определении от 18 января 2018 г. № 13-О обозначил свою позицию¹⁴. С учетом мнения Конституционного Суда и его влияния на уголовно-процессуальное законодательство [17, с. 872] представляется справедливым и правомерным решение ЦИК РФ об отказе в регистрации в качестве кандидата в Президенты РФ гражданина А.А. Навального.

Необходимо отметить, что реализованное пассивное избирательное право предполагает право на замещение публичной должности; реализацию внутренней и внешней политики государства; участие в законодательной деятельности; принятие обязательных для широкого круга субъектов нормативных правовых актов. Обозначенные параметры обуславливают возможность повышения требований к уровню правовой сознательности лиц, претендующих на занятие выборной публичной должности, в целях исключения рисков подрыва безопасности государства и общества или возможности носителя публичных полномочий вступать в коррупционные отношения [18, с. 18]. С учетом высокого правового статуса Президента РФ, а также депутатов Государственной Думы ФС РФ введение в рамках федерального законодательства дополнительных ограничений реализации пассивного избирательного права не

¹² По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова : постановление Конституц. Суда РФ от 10 окт. 2013 г. № 20-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 43. Ст. 5622.

¹³ Об отказе в регистрации группы избирателей, созданной для поддержки самовыдвижения кандидата на должность Президента Российской Федерации Алексея Анатольевича Навального, и ее уполномоченных представителей : постановление Центр. избират. комис. РФ от 25 дек. 2017 г. № 118/973-7. URL: http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/documents/decreed_of_cec/30868.html.

¹⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Навального Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 5.2 статьи 3 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации» : определение Конституц. Суда РФ от 18 янв. 2018 г. № 13-О // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

противоречит положениям Конституции РФ, а, напротив, защищает действующий конституционный строй и обеспечивает стабильное развитие правовой демократии.

Подводя итог сказанному выше, можно констатировать, что установление ограничений пассивного избирательного права для лиц, совершивших тяжкие или особо тяжкие общественно опасные и противоправные деяния, не должно зависеть от того, назначено ли уголовное наказание условно или подлежало реальному отбытию в соответствующем исправительном учреждении. В данном случае федеральный законодатель не устанавливает ограничения, противоречащие Конституции РФ, а расширяет положения Основного закона, обеспечивая тем самым защиту основ конституционного строя, публичный интерес, безопасное существование и развитие государства, общества и личности. Таким образом, полагаем, что позиция Конституционного Суда по данному вопросу укрепляет фундамент правовой демократии в России, так как в правовом государстве реальность конституционно-правовой модели свободных выборов зависит от выполнения гражданами конституционных предписаний [19, р. 4].

В этой связи хотелось бы согласиться с мнением А.А. Мигولاتева, согласно которому «в любом государстве осуществление свободного волеизъявления личности должно сочетаться с выполнением ею конституционных обязанностей и несовместимо с действиями, причиняющими ущерб государственной и общественной безопасности, ментальным основам жизни и здоровью населения, защите прав и свобод других лиц» [20, с. 61]. Представляется, что смысл допустимых ограничений, емко определяемых данным высказыванием, заключается в том, чтобы создать политическое и правовое поле, действительно свободное от посягательств на конституционные права и свободы, в частности право на управление делами государства в контексте свободных выборов. Полагаем, подобные ограничения не являются негативными категориями, противоречащими демократическим конституционным принципам. Наоборот, они допустимы, так как предназначены для соблюдения основных прав и свобод большинства и поддержания легитимного порядка в государстве, однако должны быть обязательно законными, правомерными и соразмерными конституционно значимым целям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Posner M. Attention, Self-regulation and Consciousness / M. Posner, M. Rothbart // *Philosophical Transactions of The Royal Society B. Biological Sciences*. — 1998. — Vol. 353, № 1377. — P. 1915–1927.
2. Bishop S. Free and Fair Elections: A New Database / S. Bishop, A. Hoefler // *Journal of Peace Research*. — 2016. — Vol. 53, № 4. — P. 608–616.
3. Протасевич А.А. Взаимосвязь и взаимозависимость свойств личности с механизмом и способом совершения преступления / А.А. Протасевич, Л.В. Телешова // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. — 2015. — № 2 (8). — С. 257–267.
4. Авакьян С.А. Выборы в России: эволюция избирательных систем, современные проблемы / С.А. Авакьян // *Вестник Московского университета. Сер. 11, Право*. — 2015. — № 5. — С. 23–39.
5. Дуксин П.А. Конституционные ограничения избирательных прав граждан Российской Федерации, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / П.А. Дуксин. — Саратов, 2010. — 24 с.
6. Макарец А.А. Принцип свободного волеизъявления в решениях Европейского Суда по правам человека: содержание и проблемы реализации в России / А.А. Макарец // *Актуальные проблемы современного международного права : материалы 15-го междунар. конгр. «Блищенковские чтения»*. В 3 ч. Ч. 3. — Москва, 2018. — С. 302–310.
7. Гойман В.И. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву / В.И. Гойман // *Государство и право*. — 1998. — № 7. — С. 20–43.
8. Чуксина В.В. Глобализация, права человека и обязанности государств / В.В. Чуксина // *Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права)*. — 2010. — № 6. — С. 55–60. — URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=13989>.
9. Якимова Е.М. Допустимые ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в сфере предпринимательской деятельности / Е.М. Якимова // *Вестник Омского университета. Сер.: Право*. — 2018. — № 2 (55). — С. 49–54.
10. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В.Д. Зорькин // *Журнал российского права*. — 2004. — № 12. — С. 3–9.
11. Аничкин Е.С. Формальная Конституция и конституционная практика в России / Е.С. Аничкин // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. — 2017. — № 4 (40). — С. 10–15.
12. Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства: объективированный критерий оценки / И.Г. Смирнова // *Социальная компетентность*. — 2017. — № 1 (3). — С. 52–58.
13. Панфилова Е.А. Противодействие злоупотреблению административным ресурсом на выборах: проблемы и перспективы / Е.А. Панфилова, С.Н. Швердяев. — Москва : Де Ново, 2005. — 106 с.

14. Смищенко Р.С. Использование административного ресурса в избирательных кампаниях в Российской Федерации / Р.С. Смищенко // Известия Алтайского государственного университета. — 2012. — № 4-2 (76). — С. 277–279.
15. States at Risk. Fragile Staaten als Sicherheits und Entwicklungsproblem / Hg.: U. Schneckener. — Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik, 2004. — 196 S.
16. Ley S. To Vote or Not to Vote: how Criminal Violence Shapes Electoral Participation / S. Ley // Journal of Conflict Resolution. — 2017. — Vol. 62, № 9. — P. 1963–1990.
17. Смолькова И.В. Значение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации для уголовного судопроизводства / И.В. Смолькова, П.О. Преловский. — DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(5).870-878 // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2015. — Т. 25, № 5. — С. 870–878.
18. Судакова Т.М. Антикоррупционное просвещение в детерминации коррупционной преступности / Т.М. Судакова // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы 20-й междунар. науч.-практ. конф., 20–21 апр. 2017 г. В 2 ч. Ч. 2. — Красноярск, 2017. — С. 17–20.
19. Harb M. Arguments en Faveur du Vote Obligatoire / M. Harb // Revue Parlementaire Canadienne. — 2005. — № 2. — P. 4–6.
20. Мигولاتов А.А. Проблема свободы и ответственности человека / А.А. Мигولاتов // Социально-политический журнал. — 1998. — № 4. — С. 49–62.

REFERENCES

1. Posner M., Rothbart M. Attention, Self-regulation and Consciousness. *Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological Sciences*, 1998, vol. 353, no. 1377, pp. 1915–1927.
2. Bishop S., Hoeffler A. Free and Fair Elections: A New Database. *Journal of Peace Research*, 2016, vol. 53, no. 4, pp. 608–616.
3. Protasevich A.A., Teleshova L.V. The Interconnection and Interdependence of Personality Traits with the Mechanism and the Method of Committing Crimes. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2015, no. 2 (8), pp. 257–267. (In Russian).
4. Avakyan S.A. Elections in Russia: Evolution for Election Systems, Contemporary Issues. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo = Moscow University Law Bulletin*, 2015, no. 5, pp. 23–39. (In Russian).
5. Duksin P.A. *Konstitutsionnye ogranicheniya izbratel'nykh prav grazhdan Rossiiskoi Federatsii, nakhodyashchikhsya v mestakh lisheniya svobody po prigovoru suda. Avtoref. Kand. Diss.* [Constitutional Restriction of Electoral Rights of Russian Federation Citizens in Places of Detention According to Court's Decision. Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2010. 24 p.
6. Makartsev A.A. The principle of free will in the decisions of the European Court of Human Rights: content and problems of implementation in Russia. *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava. Materialy 15-go mezhdunarodnogo kongressa «Blischenkovskie chteniya»* [Actual Problems of Contemporary International Law. Proceedings of the 15th Blischenko Congress]. Moscow, 2018, pt. 3, pp. 302–310. (In Russian).
7. Goiman V.I. Principles, limits, grounds for limiting the rights and freedoms of a person under Russian legislation and international law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1998, no. 7, pp. 20–43. (In Russian).
8. Chuksina V.V. Globalization, Human Rights and State Duties. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii (Baikal'skii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2010, no. 6, pp. 55–60. Available at: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=13989>. (In Russian).
9. Yakimova E.M. Admissible Restrictions of Constitutional Rights and Freedoms of the Person and Citizen in the Sphere of Business Activity. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2018, no. 2 (55), pp. 49–54. (In Russian).
10. Zorkin V.D. Precedent character of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2004, no. 12, pp. 3–9. (In Russian).
11. Anichkin E.S. Formal Constitution and constitutional practice in Russia: options for Interaction. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2017, no. 4 (40), pp. 10–15. (In Russian).
12. Smirnova I.G. Social Value of Russian Criminal Proceedings: Objectified Criterion of Assessment. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*, 2017, no. 1 (3), pp. 52–58. (In Russian).
13. Panfilova E.A., Sheverdyayev S.N. *Protivodeistvie zloupotrebleniyu administrativnym resursom na vyborakh: problemy i perspektivy* [Countering the Abuse of Administrative Resources in Elections: Problems and Prospects]. Moscow, De Novo Publ., 2005. 106 p.
14. Smishenko R.S. Using the Administrative Resource in Election in the Russian Federation. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*, 2012, no. 4-2 (76), pp. 277–279. (In Russian).
15. Schneckener U. (Hg.). *States at Risk. Fragile Staaten als Sicherheits und Entwicklungsproblem*. Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik, 2004. 196 S.
16. Ley S. To Vote or Not to Vote: how Criminal Violence Shapes Electoral Participation. *Journal of Conflict Resolution*, 2017, vol. 62, no. 9, pp. 1963–1990.
17. Smolkova I.V., Prelovskii P.O. The Significance of Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation for Criminal Proceedings. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2015, vol. 25, no. 5, pp. 870–878. DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(5).870-878. (In Russian).
18. Sudaikova T.M. Anti-corruption Legislation in Determining the Crimes of Corruption. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki. Materialy 20-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 20–21 aprelya 2017 g.* [Actual Problems of Fighting Crime: Issues of the Theory and Practice. Materials of the 20th International Research Conference, April 20–21, 2017]. Krasnoyarsk, 2017, pp. 17–20. (In Russian).
19. Harb M. Arguments en Faveur du Vote Obligatoire. *Revue Parlementaire Canadienne*, 2005, no. 2, pp. 4–6.
20. Migol'at'ev A.A. Problem of freedom and responsibility of a person. *Sotsial'no-politicheskii zhurnal = Sociopolitical Journals*, 1998, no. 4, pp. 49–62. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Слободчикова Светлана Николаевна — старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: sveta150189@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Слободчикова С.Н. Реализация прав осужденных в отечественной конституционно-правовой модели свободных выборов / С.Н. Слободчикова. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).932-940 // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 6. — С. 932–940.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Slobodchikova, Svetlana N. — Senior Lecturer, Chair of State and Legal Disciplines, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: sveta150189@gmail.com.

FOR CITATION

Slobodchikova S.N. Realization of the rights of convicts in the Russian constitutional-legal model of free elections. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 6, pp. 932–940. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).932-940. (In Russian).